

Мой Каратай ата. По следам Пыльного похода

Мы плохо знаем свое седое прошлое, а потому не удивительно, что оно зачастую вызывает различные кривотолки. Например, кто может сказать, что на самом деле произошло в предгорьях Тайаткана и Шунака в далеком 1771 году, и почему этот поход, достойный кинопостанковки мирового уровня, назван Пыльным?

Вот и на этот раз решил не откладывать задуманное в долгий ящик. Короткие сборы, благо, все необходимое для экспедиции всегда наготове, и мы вдвоем выезжаем на алматинскую трассу. Радостно заурчал мотор «Паджеро», словно предвкушая очередное интересное путешествие. Эта машина немало повидала на казахстанских дорогах, и ни разу не подвела – ни на асфальте, ни на бездорожье.

Замысел прост: как можно быстро пройти путь от Астаны до станции Киик, что в Шетском районе Карагандинской области, и в тот же день добраться до долины, привольно раскинувшейся между горами Тайаткан и Шунак, откуда буквально рукой подать до Бетпак далы. Хотя команда наша мала числом, она уже крепко спаяна увлекательным прошлогодним путешествием на плато Устюрт в Мангистауской области, а именно в Огланды. Тогда мы побывали на могиле легендарного Бекет Ата в подземной мечети, вырубленной святым в меловых отложениях на дне некогда обширного Хазарского моря. Что интересно, все свои мечети Бекет Ата, а их по достоверным сведениям он построил шесть, одновременно использовал в качестве медресе и обсерватории. На обратной дороге завернули в Сарайшык, столицу некогда могущественной Белой Орды, затем помолились в мечети поэта-бунтаря Махамбета, а в Западно-Казахстанской области посетили некрополь проповедника Дадем Ата. Кстати, репортаж Светланы Арыстамбаевой о той экспедиции «Мой Бекет Ата: впечатления паломника» можно прочитать в № 36 (438) уральской газеты «Надежда» от 8 сентября 2011 г.

Асфальт проходим без особых приключений, если не считать придинок дорожных полицейских. Правда, внимательно ознакомившись с картой предыдущих автоэкспедиций, наклеенной на задние стекла авто, они благосклонно решают обойтись устным предупреждением.

На АЗС станции Агадыр интересуюсь, как благополучно проехать до конечного пункта. Узнав цель нашей поездки, Дамир, водитель бордовой «Нивы», заботливо посоветовал заночевать в Киике, ибо солнце неумолимо катилось на закат, а чтобы найти верную дорогу на Тайаткан, обратиться к имаму тамошней мечети, который, мол, предоставит ночлег.

Решаем записать дальнейший путь на GPS, чтобы было проще ориентироваться в будущем. На выезде с Агадыра сворачиваем налево. Постепенно гравийка становится все ухабистее, с каждым метром напоминая стиральную доску. Вскоре из-под колес встречной машины «Паджеро» окатывает градом камней, и от двух пробоин, украсивших лобовое стекло, в разные стороны стали зловеще расползаться лучики. Наученные горьким опытом, заклеиваем трещины скотчем.

Согласно маршруту, нарисованному Дамиром, через пару километров после станции Акшагыл сворачиваем направо. В сумерках видно, что грунтованная дорога тянется вдоль железной дороги. Предпринимаем попытку устроить соревнование в скорости с железнодорожным составом. Но вот незадача, после недавних обильных дождей ямы превратились в грязевые ванны, поэтому приходится буквально ползти, дабы не увязнуть. А тут еще в пылу моей спешки «Паджеро» провалился в глубокую промоину. Выезжая, машина, словно бульдозер, срезала бампером край ямы, затем вновь ударилась, на этот раз защитой топливного бака. Решаю посмотреть, что же осталось от верного

железного коня. На удивление, ничего серьезного, кроме липкой жижи, обильно покрывшей внедорожник. А огни поезда уже скрываются за очередным поворотом.

В Киик добрались ближе к полуночи. Фары выхватывают из темноты одинокого прохожего. Как оказалось, Кендебай возвращался домой после безрезультатного поиска припозднившейся буренки. Он охотно согласился сопроводить нас до жилья муллы. Позевывая и почесываясь, священнослужитель довольно сухо откомендовал самостоятельно искать провожатого. Колесим по темным закоулкам аула, пока не выяснилось, что в ночь с субботы на воскресенье все знатоки дороги на Тайаткан разъехались на свадьбы в соседние аулы. Но Кендебай не успокоился, обзванивая по мобильнику пирующих односельчан, и вскоре доложил:

- Все, договорился с Ниязом, в шесть утра он выведет вас на дорогу!

За поздним дастарханом к взаимному удивлению узнаем, что Дамир является сыном старшего брата Кендебая, гостеприимно пригласившего нас на ночь в свой дом. Подобные знаковые совпадения приключались и прежде в моих странствованиях.

Рано утром Кендебай Сагимбеков ушел на очередное дежурство в местной подстанции, а мы после сытного завтрака с помощью студента Олжаса находим дом Нияза. Он не стал отнекиваться, и сразу оседлал мотоцикл, да так рванул вперед, что едва поспеваем за его крутыми виражами.

Через пять километров парень подробно разъяснил дальнейшую дорогу и столь же стремительно умчался в Киик. Еще через 39 километров находим среди сопки заветный указатель – «Агыбай батыр. 11 км». Направо уходит малоприметная, заросшая травой дорога. Она-то и ведет к мавзолею Каратай батыра, моего предка в десятом колене.

Вспоминается история, которую довелось услышать лично из уст лауреата Государственной премии Казахской ССР Оралхана Бокеева. По его сведениям, на съезде партии «Алаш» Алихан Бокейханов спросил у своего однокашника по учебе в Санкт-Петербургском Лесном институте Абдыкерима Ережепова, где же захоронен его пращур Каратай. Старший волостной Шынгыстайской волости стушевался. На помощь пришел бий Муса Рустемов, дав, правда, весьма витиеватый ответ, на что Алихан Бокейханов сказал: «Каратай батыр, он же бий крупного рода, кочевавшего на юге от правого берега Сыр Дарьи до Балхаша на востоке, от Улытау на западе и до Сары Арки на севере, похоронен на Тайаткане, недалеко от Шунакских гор».

Оралхан Бокеев неоднократно подчеркивал, что над могилой Каратай воздвигнут величественный мазар. К сожалению, писатель, чьи талантливые произведения в советское время издавались на немецком, японском и других языках, умер, не достигнув 50-летия. Но его поиски получили продолжение в лице человека, уважаемого уже потому, что в начале 60-х годов прошлого столетия, когда советская власть казалась незыблемой, он активно включился в борьбу с коммунизмом. Будучи студентом, парень создал партию, печатал и активно распространял листовки. В сибирских лагерях его жизнь неоднократно подвергалась опасности – уголовники люто ненавидели политических заключенных.

После освобождения Камел Жунустеги, а речь идет о нем, находился под постоянным прессингом сотрудников КГБ. Чтобы не испытывать издевательств, он подолгу уходил на охоту на окраины Сары Арки. В окрестностях Тайаткана его заинтересовал одинокий мавзолей, возвышавшийся на одной из сопки у речки Каратал.

- Аксакалы Кази, Хасен, Анарбек и другие жители близлежащих аулов в один голос утверждали, что в этом мазаре похоронен найман Каражалды Каратай батыр, – говорит Камел Жунустеги. – Их сведения подтвердил и местный учитель Мурат Коккозов. Он предоставил мне собственную карту территории, прилегающей к Караталу, с указанием могил известных личностей, среди которых был и мазар Каратай батыра. Все мои собеседники отмечали, что Каратай имел статус бия, активно участвовал во главе своей дружины в войне с джунгарами. Он погиб во время сражения с калмыками и был похоронен с особыми почестями, а мазар над его могилой воздвигнут по решению старейшин с участием самого хана Абылая...

По преданию, впоследствии Абылай хан велел роду Каратай батыра вернуться на Алтай, дабы в случае опасности первыми встречать врага на границе. С Алтайских гор найманы были вынуждены откочевать в конце XVI века под угрозой физического истребления со стороны джунгар.

- Я принадлежу к Кожа, являюсь пятьдесят вторым потомком Пророка Мухаммеда, - Камел Жунустеги словно упреждает наш вопрос о причастности мазара к имени Каратай батыра. - К тому же, как писателю мне также не к лицу искажать историческую правду в угоду чьей-либо родовой принадлежности.

Летом 2001 года группа потомков Каратай батыра побывала на месте захоронения пращура. Камел Жунустеги, тогда редактор Шетской районной газеты, возглавил наш автокараван в роли проводника.

Не описать чувства, когда взору открылось величественное шатровое сооружение. Потрясенные, мы поднялись к мазару. Многие из нас не могли сдержать слез. Здесь покоился прах нашего предка, посвятивший, как говорил Алихан Бокейханов, свою жизнь служению народу...

Когда я проник внутрь через узкий невысокий вход, из мазара вылетел крупный беркут.

- Доброе предзнаменование! - отметил Малик Имашев, саргалдак из рода Каратай. В Великую Отечественную аксакал воевал летчиком. Впоследствии я узнал из интернета, что на его счету 378 боевых вылетов, каждый из которых мог стать последним. В мирное время он занимал крупные партийные и народно-хозяйственные посты. Будучи в момент нашей поездки на Тайаткан-Шунак почетным пенсионером Караганды, Малик Имашев возглавлял футбольный клуб «Шахтер».

К сожалению, Малик ата скончался, не дожив до 70-летия Великой Победы.

Дожди проточили в двух местах купол мазара. Посередине мавзолея возвышалось надгробие из того же кирпича-сырца, и также подвергшееся более чем двухвековому воздействию времени. Рядом с мазаром мы увидели несколько захоронений, покрытых камнями, причем один из них был заметно меньше.

Справа и слева простиралась равнина. Эта местность называется Калмак кырган. Именно здесь летом 1771 года произошла решающая схватка казахского ополчения с калмыками. Камел Жунустеги настолько ярко обрисовал эпизоды сражений, что нам невольно причудился лязг оружия, боевые кличи, ржание коней, предсмертные крики раненых...

- Прекрасно дисциплинированные воины, калмыки бились яростно. Стало ясно – лобовыми атаками их не одолеть. И тогда казахи отвели воду из Каратала в другое русло. Этот тактический прием привел к изнуряющим болезням среди беглецов. В одну из ночей в калмыцком стане неожиданно зажгли много костров, принялись петь и плясать. Отмечают какой-то свой праздник, решили караульные, и безмятежно уснули. Утром выяснилось, что основная часть калмыков ускакала, оставив обоз, скот и заслон из 5000 наиболее отчаянных воинов-смертников.

Все это можно узнать из повести «Калмак кырган» Камела Жунустеги, вошедшей в очередной его сборник под названием «Шырагдан». Писатель увлекательно повествует о роли Абылай хана, Богенбая, Каратай и других народных героев в битве с калмыками.

Тогда, в 2001 году, мы провели трепетную ночь рядом с мазаром Каратай батыра, совершили жертвоприношение и установили гранитную плиту. Честь выбрать ее была возложена на меня. Писатель, лауреат Государственной премии Казахстана Алибек Аскараров, а именно он возглавлял поисковый штаб, одобряя мой выбор, написал краткий текст, который и выбит на этом камне. В то время Алибек Аскараров работал директором Департамента по полиграфии и издательствам Министерства культуры, информации и общественного согласия, я трудился в этом же ведомстве начальником отдела периодических СМИ Департамента средств массовой информации. Сейчас Алеке руководит Национальной библиотекой РК, его по праву можно назвать одним из

основоположников издательско-полиграфической отрасли суверенного Казахстана. Среди тех, кто подключился к поиску могилы Каратай Ата, находился и журналист Каирды Назырбаев. В конце 80-х годов, когда я работал редактором Катон-Карагайской районной газеты «Луч»-«Арай», он был моим заместителем. Многие каратаевцы мечтают иметь в своей домашней библиотеке его очерк «Каратай баба зираты», изданный в одноименном сборнике. И, конечно, особо хочу подчеркнуть роль писателя, Заслуженного деятеля Казахстана Дидахмета Ашимханова – без преувеличения идейного вдохновителя поисковой работы и активного участника первой экспедиции на место захоронения нашего пращура.

В той памятной поездке приняли участие и несколько катонкарагайцев во главе с Шаймарданом Оразаевым. Они преодолели почти 1500 км, чтобы разделить общую радость коллективного паломничества. Шаймардан Оразаев как опытный стройотрядовец в бытность студенческой молодости собственноручно замесил бетонный раствор, который пошел на заливку основания гранитной плиты...

Вскоре после возвращения из Тайаткана я уехал в Уральск, где более десяти лет проработал в должности главного редактора Западно-Казахстанской региональной газеты, оставивших самые добрые воспоминания. Конечно, и там интересовался историей, связанной с Каратай батыром. Иногда эта тема возникала весьма неожиданно.

В Уральске живет Бисен Жумагалиев, человек неординарный и, можно сказать, энциклопедических познаний. Оказавшись на войне сразу после школьной скамьи, он прошел снайперскую школу и охотился за фашистскими офицерами. Но вскоре его ратная жизнь кардинально изменилась. Молодого бойца неожиданно перевели в редакцию фронтовой газеты, выходившей на тюркских языках. После Великой Отечественной Бисен Жумагалиев продолжил журналистскую деятельность, затем работал секретарем Уральского обкома партии. Тогда он и познакомился с Михаилом Шолоховым, автором «Тихого Дона», чья семья в годы войны была эвакуирована в Приуралье. Об уровне его дружбы с классиком красноречиво свидетельствует такой факт. Когда Шолохов получил Нобелевскую премию, ЦК КПСС устроил грандиозный прием в честь лауреата. Шолохову позволили самому отбирать гостей. Среди трех приглашенных из Казахстана великий писатель назвал и Бисена Жумагалиева.

Но вернемся к нашей теме. После нашего знакомства Бисен Жумагалиев, несмотря на весьма преклонный возраст работавший советником акима области, принялся подробно расспрашивать о таких моих сородичах, как ветеран Великой Отечественной войны Бошай Китапбаев, писатели Оралхан Бокеев, Каликан Ыскаков и других известных каратаевцах. Затем аксакал поведал легенду, имевшую по его словам косвенное отношение к Каратай батыру.

Когда в XVIII веке калмыки решили бежать из России, хан Убаши велел привести в свою ставку вещую старуху.

- Что посоветуешь перед дальней дорогой?
- Калмыкам нужно выполнить три условия...
- Какие же?
- Первое, три года мужья не должны подходить к своим женам. Второе, три года не подпускайте жеребцов к кобылицам!
- А третье?
- Об этом я скажу перед откочевкой...

Через три года подросли грудные детишки, в трехлеток превратились жеребята. Убаши радовался прозорливости старухи, ведь теперь не станут обузой младенцы, не будут задерживать в пути слабые жеребята. Когда настала пора трогаться, старуха назвала третье условие:

- Пусть каждый калмык возьмет с собой камень.
- Зачем? – удивился Убаши хан, но ответа не дождался.

Вскоре перед многочисленными путниками встала дилемма, как перейти на правый, азиатский берег Урала? Тут-то и пригодился третий совет старухи. Каждый калмык бросил в реку камень, так образовалась переправа, по которой перешли обозы, скот, люди. До сих пор это место называется Тас кешу, а соседнее село – Калмыковка.

У читателя наверное возник вопрос, о чем речь?

В начале XVII века после череды победоносных схваток с казаками предводители основной части ойратского племени торгоут обратились к царю Михаилу Романову за русским подданством. В 1636 году прошение было удовлетворено. Калмыкам отвели обширные земли в Астраханской губернии по обоим берегам Волги. Торгоутское ханство простиралось от Жайка (Урала) до Дона и от Царицына до Кавказа. Царские власти умело использовали калмыков против мусульман Крыма, Кавказа, Башкирии, Ногайского ханства и казахов. Через 120 лет под руководством одного из потомков хонтайши Цевен Рабдана сюда, на Поволжье, перебежали остатки ойратских племен дербет, хоит и хошут, больше известных в истории под объединительным названием джунгары (левое крыло в войсках западных монголов). В количестве около 50000 человек они спасались от поголовной резни со стороны китайцев, решивших раз и навсегда положить конец бесконечным набегам крайне беспокойных кочевников.

По данным Алексея Левшина, которого еще именуют Геродотом казахского народа, исход калмыков с Поволжья начался 5 января 1771 года. Эту же дату со ссылкой на великого буддистского ламу в книге «Империя Степей» приводит известный французский историк-востоковед Рене Груссе, назвавший массовую откочевку калмыков Пыльным походом. Причиной послужили усилившиеся притеснения царского правительства, в том числе отвод наиболее плодородных земель немецким колонистам, открытое вмешательство чиновников во внутренние дела ханства, а также нараставшее воплощение задумки о крещении калмыков. Все это привело к запугиванию простых калмыков. Наиболее родовитые зайсаны и влиятельные нойоны оказывали постоянное давление на молодого наместника Убаши, который в конце-концов вынужден был согласиться на столь рискованную откочевку. Двор Екатерины Великой был информирован о подобных намерениях верхушки воинственных степняков, но не только не придал этому особого внимания, а даже запретил губернаторам близлежащих административных территорий предпринимать какие-либо меры. При этом калмыков по-прежнему продолжали привлекать к активному участию к различного рода военным действиям, что неизбежно приводило к заметным потерям молодежи и, следовательно, дальнейшему росту недовольства.

В ходе русско-турецкой войны (1736-1739 гг.) наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Омбо (внук Аюки-хана) было велено совершить поход на кубанских татар и, кроме того, выслать значительные силы в главную армию, в Крым. Дондук-Омбо приказ выполнил. Его корпус отличился в Крыму. Сам Дондук во главе кавалерии, насчитывавшей 40000 сабель, буквально разорил Кубань, в результате чего кубанские татары понесли страшный урон.

Надо признать, воинское искусство калмыков было на высоте, а вооружение намного превосходило то, что в то время имели казахи. Так, постоянные подразделения были оснащены ружьями и, что немаловажно, пушками, чего не была у казахских ополченцев. Причем свою боевую доблесть калмыки в очередной раз наглядно показали буквально накануне Пыльного похода.

В конце 60-х годов XVIII века русско-турецкие отношения вновь обострились. В соответствии с грамотой Екатерины Великой от 31 декабря 1768 года наместник Калмыцкого ханства Убаши вскоре направил в Крым 20-тысячную кавалерию - на помощь генерал-аншефу графу П.А. Румянцеву. 15 января 1769 года Екатерина велела Убаши собрать дополнительно 10000 конницы. Что немаловажно, это войско выступало как самостоятельное, а в подчинение Убаши вошли корпус генерал-майора де-Медема и кубанские казаки. По пути на Бештау, где должна была состояться встреча с де-Медемом,

Убаши наголову разгромил кубанских татар, которые хотели воспользоваться выступлением калмыков в поход и разорить их улусы. Калмыки захватили пять знамен, а также пять тысяч лошадей. Кроме того, по ходу движения на Бештау Убаши вступил в переговоры с кабардинцами, и убедил их присягнуть на верность России. Его предшественникам этого не удалось сделать силой. Екатерина наградила Убаши и других нойонов, в том числе враждебно настроенных по отношению к молодому наместнику, золотыми медалями с изображением ее портрета. О ходе данных событий довольная императрица написала подробное письмо французскому философу Вольтеру.

Несмотря на инструкции де-Медем вел себя высокомерно по отношению к Убаши и постоянно игнорировал его указания. Это лишь подлило масло в огонь, и зайсаны усилили давление на наместника.

Есть сведения, что к массовому бегству калмыков побуждали и китайцы, по крайней мере, известно о двух посланиях из Поднебесной. Но не только перечисленные выше обиды заставили джунгар в количестве свыше 30000 кибиток по данным Алексея Левшина, в свою очередь Рене Груссе настаивает на 70000 семьях, покинуть обжитые земли. В меньшей степени в далекую и полную опасностей дорогу их толкала неизлечимая тоска по земле предков.

Подготовка к походу активизировалась в 1770 году. Предварительно калмыки угнали значительное количество скота у казахов Младшего жуза, дабы обеспечить себя сушеным мясом. Мотивируя засухой, часть из них заблаговременно перешла на левый берег Волги. Опасаясь, что заговор окончательно раскроют, 26-летний Убаши перенес дату массовой откочевки на начало января.

Зима в 1771 году выдалась теплой. Волга так и не покрылась льдом, а потому к Убаши не смогли присоединиться 11000 семей калмыков, живших на правой стороне реки. Но и без них кочевье насчитывало около 180000 человек.

Забегая вперед, выскажу периодически возникающую мысль, какой могла быть ситуация в нынешней Калмыкии и России в целом, не будь этого трагического исхода калмыков? По некоторым данным людские потери составили две трети, не менее тяжким оказался политический и экономический урон. Однако история, как известно, не терпит сослогательного наклонения, потому гадать не приходится.

После того, как Убаши перешел Урал (Жаик), хан Младшего жуза Нуралы получил императорскую грамоту «об удержании» беглецов. Такое же высочайшее повеление было направлено хану Среднего жуза Абилмамбету, а также некоторым казахским султанам, в том числе и Абылаю, де-факто возглавлявшему Средний жуз.

«Излишни были всякого рода побуждения и старания к исполнению таковых распоряжений, - пишет Алексей Левшин в «Описаниях киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей». - Всякий киргиз-кайсак почитал особенным счастьем возможность исполнить оные, наследовав от отца, деда и отдаленнейших предков своих вражду ко всем поколениям калмыков».

Вся степь, от берегов Акжайыка до границ с Китаем наполнилась отрядами казахских сарбазов, с нетерпением ожидавших людей, «которых по одному их происхождению и имени, не говоря об обидах, ими нанесенных, почитали они врагами своими». К тому же, калмыки по пути отбирали у казахов скот и крайне жестоко обращались с пленными, лишая их жизни или превращая в рабов.

В годы учебы в Москве я часто интересовался у однокурсников-калмыков об их воинственных предках, нанесших в XVII-XVIII веках неисчислимые беды казахам, но получал или невнятный ответ, или встречные вопросы. Сегодня казахи и калмыки дружны, но были периоды, полные взаимной ненависти.

Первый заслон должно было выставить Яикское (Уральское) казачье войско, через земли которого торопливо потянулись обозы и стада. Ожидания царского правительства оказались напрасными. Уральские казаки наотрез отказались биться с калмыками. Оренбургские казаки повели себя более решительно и в середине февраля соединились с

отрядом Нуралы. Однако они вскоре бесславно вернулись домой, объявив, что лошади изнурены бескормицей.

Пришлось выставить регулярные части под руководством генерал-майора Траубенберга. Старый солдат имел приказ соединиться с ополчением хана Нуралы на Иргизе, и весьма энергично приступил к исполнению приказа. Последовала череда бюрократической переписки и всевозможных приготовлений. В итоге войско Траубенберга выступило из Орской крепости лишь 12 апреля. Когда генерал в начале мая прибыл к реке, калмыки уже были в Тургайской степи.

Отряды Нуралы и Траубенберга встретились у озер Аксакал бар. В 754 верстах от Орской крепости к ним примкнул бывший хан Хивы Каип, после свержения живший в пределах Младшего жуза, что не помешало ему сразу же объявить себя младшежузовским ханом. Конечно, этот факт не обрадовал Нуралы. Между чингизидами возникли напряженные отношения.

Русские стали страдать от голода и нехватки воды, к тому же начался падеж коней. Калмыки все также стремительно удалялись. Траубенберг пал духом и уже 10 мая, как пишет Алексей Левшин, повернул на север. Он вернулся в Оренбург через Уйскую крепость.

Тем временем казахи продолжали разрозненно атаковать калмыков. У реки Сагыз удар нанес султан Айшуак. Хан Нуралы дал бой на Орсу. Затем были схватки у Мугоджарских гор и на реке Ужым. Убаши направил Нуралы письменный протест. Правитель Младшего жуза в ответ призвал вернуться, обещая посредничество в примирении с царскими властями. По сведениям Рене Груссе, это письмо Нуралы датировано 15 апреля 1771 года. Не понаслышке зная, что его ожидает в случае возвращения, Убаши переписку не продолжил.

В пределах Среднего жуза, а в XVIII веке его границы простирались, как отмечает Алексей Левшин, до Оренбурга, беглецы столкнулись с отрядами Абылая, который действовал совместно с султаном Абилфаизом, сыном престарелого хана Абилмамбета.

Целеустремленные калмыки были по-прежнему сильны духом, и горели желанием увидеть отчизну, а потому легкой победы добиться не удалось.

Решающая битва произошла в июле 1771 года на Тайаткане, северо-западнее Балхаша, в которой участвовали и ополченцы под предводительством бия Каратая. По данным Рене Груссе, первым дрогнул один из двух отрядов туркмен, шедших вместе с калмыками. Чтобы протянуть время, Убаши вступил в переговоры с Абылаем о подданстве и отводе земель в пределах Среднего жуза. По данным западных историков войско казахов насчитывало 50000 сарбазов.

Вскоре потери возросли, и калмыки, изнуренные болезнями, вызванными употреблением плохой воды, не выдержали яростного натиска. Печальна их дальнейшая судьба. Хотя 5000 смертников бились до последнего вздоха, казахи быстро организовали погоню. Бежавшие торгоуты разделились на два потока. Против тех, кто двигался западным берегом Балхаша, выступили отряды Абылая, затем эстафета перешла к киргизам, также питавшим, как пишет Левшин, лютую ненависть к джунгарам за былые унижения. Около 100000 только людских потерь. Такова трагическая цена Пыльного похода Убаши-хана, подсчитанная нынешними калмыкскими исследователями. По их же данным в живых остались менее 40000 участников похода. Остатки калмыков избежали пленения благодаря грамоте императора Цянь Луна, которую китайские мандарины вручили на берегу Или султану Старшего жуза Ералы. Калмыкам предоставили подданство Поднебесной, но не все оказалось так, как было обещано.

Цянь Лун с большими почестями принял Убаши в Пекине. Сумевшие перейти Или калмыки были снабжены всем необходимым, однако их сразу же расселили по разным провинциям на юге и востоке от Кульджи, дабы предельно ослабить связи между ними. По иронии судьбы, переселенцы заняли земли, опустевшие в результате истребления китайцами их же братьев из родов чорос и хоит. Через три года один за другим при

загадочных обстоятельствах скончались наиболее знатные калмыцкие нойоны, в том числе и Убаши-хан. Еще несколько десятков лет спустя вспыхнуло дунганское восстание, началась жестокая резня и часть калмыков перебежала к казахам...

С тех пор и появилась поговорка среди калмыков: «Убаши променял пеньковые недоузки белого царя на железные кандалы китайского императора».

В том же 1771 году после кончины Абилмамбета Абылай был провозглашен ханом Среднего жуза. Он умер через десять лет, возвращаясь с похода на Ташкент, надолго восстановив мирную жизнь в казахской степи.

Пыльный поход послужил детонатором серии других не менее значимых событий. На следующий год в Приуралье вспыхнули волнения, вылившиеся в Пугачевское восстание, в котором приняли участие и калмыки, не успевшие примкнуть к Убаши. Помните, Александр Пушкин в своей «Капитанской дочке» упоминает калмыка? У него был отрезан язык за участие в одном из прежних восстаний. Через 30 лет на части освободившейся от калмыков территории появилось последнее казахское ханство, получившее название Внутренней Орды, более известное в народе как Букеевская Орда. Указ о его создании Павел I подписал поздно вечером 12 (24) марта 1801 года. Буквально через пару часов царь был убит. За этим переворотом стояли интересы Великобритании.

Но это, как говорится, тема для отдельного разговора.

В своем трехтомном издании «Шежире», ныне ставшем библиографической редкостью, ветеран Великой Отечественной войны, Герой Социалистического труда Бошай Китапбаев подробно изложил родословную найманов Алтая. Со слов аксакала, прежде долгое время успешно возглавлявшего крупный колхоз в Больше-Нарымском районе Восточно-Казахстанской области, Токпан был первым, а Белгибай - вторым сыном Наймана. От Белгибая произошли Толегетай, Сугырши и Шуйынши. От Сугырши родились Баганалы, Балталы и Ергенекты. Ергенекты является отцом Саржомарта, Бура и Кокжарлы. В других шежире я нашел сведения, что братья имели хорошее образование. Есть сведения и о том, что Бура правил Ташкентом, а Кокжарлы правил Ургенчем.

Бошай Китапбаев пишет, что у Кокжарлы было два сына – Улатемир и Кылыштыкыяк. Отец пятерых сыновей, Улатемир назвал своего первенца Кенжебаем. Однажды на скачках юный Кенжебай первым финишировал на черном стригунке. Восхищенный ловкостью малыша, народ прозвал его Каратаем.

Когда Каратай вырос, за острый ум и справедливость, красноречие и прекрасное знание древних законов и обычаев сородичи признали его бием, говоря нынешним языком, управителем рода и одновременно судьей в решении как внутривидовых, так и межродовых споров и тяжб. В судьбоносные периоды бию, как правило, делегировалось право выступать от имени своего рода, следовательно, благополучие соплеменников зачастую находилось в прямой зависимости от его действий или бездействия.

Особенно резко возросла роль биев в крайне суровых реалиях XVII-XVIII веков, когда шла ожесточенная война казахов с джунгарскими захватчиками, которую по праву можно назвать Отечественной. Наиболее авторитетные бии представляли интересы своего жуза, как, например, Толе Алибекулы (1663-1856 гг.) – Старшего, Казыбек Кельдыбекулы (1667-1764 гг.) – Среднего, Айтеке Байбекулы (1681-1766 гг.) – Младшего. Они активно содействовали объединению казахов, разработали каноны внешней политики Казахского ханства, а ранее при Аз-Таукехане участвовали в составлении свода внутренних законов, больше известного как «Жеты жаргы». 18-летний Казыбек бий, например, входил в состав казахского посольства во времена правления Джунгарским ханством Галдан Цэренем. Позднее неоднократно он возглавлял дипломатические миссии, добивался заключения перемирия с джунгарами и Китаем. Именно Казыбек бий способствовал освобождению султана Абылая из джунгарского плена.

На данный сгусток казахской истории и пришлась жизнь Каратая Ата.

У Каратая было четыре сына - Бораншы, Беске, Шонмурын и Калим. Бораншы является отцом Саргалдака. Автор этих строк - потомок Саргалдака в восьмом поколении.

Кстати, Саргалдак также оставил заметный след в истории, а потому предстоит кропотливая работа по исследованию его жизнедеятельности, о чем, надеюсь, еще будет написано отдельное повествование...

Этот исторический экскурс промелькнул в моем сознании, пока я с замиранием сердца рулил в направлении Тайаткана. Мазар Каратай батыра нарастал на горизонте, словно величественный Колизей возле тунисского города Эль-Жем, который мне довелось лицезреть в ходе командировки в Африку. Менее пяти километров от указателя на комплекс Агыбай батыра, и вновь с волнением стою у подножия древнего строения. За минувшие 11 лет заметно увеличились дыры на куполе, выше стала насыпь из щебенки, вымываемой дождями из стен строения. Время не щадит мазар, каким бы крепким не был кирпич-сырец, изготовленный из глиняного раствора вперемешку с щебенкой, кобыльим молоком, козьим жиром и конским волосом.

Тогда, в 2001 году, на Тайаткане, а затем и в Караганде, во время довольно пышного приема паломников на могилу Каратай батыра, прозвучало немало благородных слов о необходимости незамедлительной реставрации мазара славного пращура. Помнится, с благодарностью говорилось и о том, что аким Карагандинской области Камалтин Мухамеджанов, по материнской линии тоже оказавшийся потомком Каратая, высказал намерение оказать всемерное содействие в этом деле. Но вскоре его «ушли» на другую должность и обещание, естественно, так и не исполнилось. Насколько мне известно, каратаевцы неоднократно собиралась в Алматы и в Астане, обсуждая, что следует предпринять для сохранения мазара.

Понятно, всеми нами движет желание увековечить не только славное имя Каратай батыра, но и сохранить памятник истории, коим несомненно является мавзолей, однако ясно и то, что одними лишь словесными потугами этот долг не получит достойного исполнения.

Совершенно иную картину, полную реальных действий, можно увидеть на комплексе Агыбай батыра (1802-1885 гг.), расположенном примерно в восьми километрах от захоронения батыра Каратая. Здесь системно осуществляются реставрационные работы. Утвержден план дальнейших действий по строительству мечети, расширению здания для приема паломников и других необходимых ритуальных помещений. Кроме того, при комплексе постоянно живет смотритель, для которого заботливо возведен добротный дом.

Кстати, Камел Жунустеги еще при советской власти первым поднял вопрос о необходимости восстановления разрушающегося мазара над могилой Агыбай батыра. С этой целью писатель написал письмо в ЦК Компартии Казахстана и добился приема влиятельного чиновника. Хотя ответные действия последовали далеко не сразу, данный факт свидетельствует о высочайшем уровне его жизненной позиции и патриотизма, бережном отношении к истории страны.

И, конечно, не могу не привести в пример отношение потомков к памяти Бекет Ата (1750-1813 гг.). Великолепный мемориал в Огланды, что в Мангыстау, построенный недалеко у подземной мечети проповедника, также имеет официальный статус духовно-исторического и архитектурно-культурного памятника. С каждым шагом паломник буквально наполняется ощущением величия личности Бекет Ата. Адайцы активно содействовали возведению комплекса, осуществленному на государственные средства, и теперь неустанно работают над поддержанием здесь надлежащего порядка, а также привлечением все большего числа туристов из ближних и дальних стран.

Или взять некрополь в Сырымском районе Западно-Казахстанской области хазрета Жумагазы, больше известного под именем Дадем Ата. Хотя масштаб осуществляемых работ здесь не столь широк, как в Огланды, тем не менее, потомки аулие сделали все, чтобы люди имели возможность получать подробную информацию о праведнике и совершать необходимые ритуальные действия. Причем строительство мечети,

завершенное в прошлом году, и жилья для паломников выполнено исключительно на пожертвования.

А ведь Тайаткан-Шунак является не менее сакральным для казахов, да и других тюрских народов.

Здесь расположены усыпальницы многих известных исторических личностей, не говоря о славном соратнике хана Кенесары Агыбай батыре. В радиусе буквально десятка километров есть и другие, в том числе более ранние захоронения и курганы, овеянные романтическими легендами. Вот мазар, возвышающийся над могилой двух сестер. Они, как гласит предание, утонули, сплетя свои дивные длинные волосы в одну косу...

Знаменательно это место еще одним национальным достоянием – петроглифами Танбалы тас. По данным профессора Петра Мариковского, приведенным в книге «Рисунки на скалах в южных и центральных районах Казахстана», количество наскальных изображений на Тайаткан-Шунаке превышает 7000. Недавно ученые из Санкт-Петербурга насчитали здесь свыше 30000 творений почти 50000-летней давности и теперь утверждают, что Танбалы тас – одно из наиболее древних собраний наскальных рисунков на Земле. На этой каменной галерее можно увидеть не только сцены охоты. Внимательно изучая глыбу с картой звездного неба, люблюсь картой Казахстана, нарисованной много тысячелетий назад, многочисленными изображениями мамонтов. Древние художники весьма искусно изобразили даже сцены, достойные Камасутры...

Танбалы тас находится всего в полчаса весьма неспешной езды от захоронения Каратай батыра.

Или таинственный Айна тас, что в двух-трех километрах от Танбалы тас. Бытует поверье, что здесь можно получить исцеление от многих болезней, а потому не случайно желающих не отпугивает отдаленность от большой дороги. Следует лишь девять раз скатиться по горячему от солнца и зеркально отполированному дождевыми потоками каменному склону горы. Мы вдоволь накатались, словно с ледовой горки - и на спине, и на животе, и на боку, и, как говорится, на пятой точке. Женщины стремятся сюда, чтобы получить избавление от бесплодия и других недугов, полежав в нагретой щедрыми солнечными лучами каменной ложбине, напоминающей материнское лоно. Там же находится 170-килограммовый камень метеоритного происхождения, который по легенде на вершину горы занес Акжолтай Агыбай батыр. При жизни рост знаменосца хана Кенесары составлял 238 сантиметров. Это зафиксировал адъютант губернатора Оренбургского края, когда батыр ждал в приемной приема грозного генерала. Этот же адъютант нарисовал портрет Агыбая. Именно благодаря этому рисунку мы знаем, каким был соратник Кенесары.

Как рассказывают местные жители, горы Шунак и Тайаткан образовались в результате падения метеорита. Действительно, в 40 км южнее мазара Каратай батыра на границе с Бетпақдала нетрудно отыскать кратер Шунак, диаметр которого составляет 3100 метров, что в два с половиной раза больше диаметра знаменитого Аризонского кратера в США, его глубина составляет 400 метров.

По словам смотрителя комплекса Агыбай батыра Хамита Мусабекова, человека весьма начитанного и удивительно доброжелательного, местные подземные источники питьевой воды обладают целебными свойствами. Мы попробовали.

- Вкусно! – подтвердила Светлана.

Хамит минувшей зимой неоднократно наблюдал, как со стороны кратера Шунак в ночное небо поднимались ярко светящиеся шары.

- Иногда они двигались параллельно горизонту, затем под прямым углом меняли курс и стремительно исчезали в направлении звезд...

Иначе говоря, Тайаткан-Шунак представляет несомненный интерес в целях организации туризма - и местного, и международного. Нужно только, чтобы мир подробно узнал об этом удивительном крае, полном загадок. Камел Жунустеги, например, увлечен идеей отыскать библиотеку древних фолиантов, спрятанную в годы советских

репрессий в одной из пещер в Улытауских горах, уникальном уголке нашей страны, где покоится прах Алаша, основателя Казахского ханства, и Жошы, старшего сына потрясателя Вселенной Шынгысхана. Улытау, как известно, край весьма обширный. Как отмечает Камел Жунустеги, предстоит долгая работа, тем более что поиск надо начинать с Тайаткана, далее перейти на Актау и Ортау, и лишь затем, если не будет положительного результата, приступить к исследованию Улытау.

Однако вернемся к основному предмету нашего повествования.

На мой взгляд, важно, чтобы мавзолеей Каратай батыра вошел в государственный реестр (список) объектов национального достояния, как памятник, имеющий особое значение для истории и культуры страны. С этой целью, думаю, будет целесообразным для начала направить в соответствующие органы власти письма от маслихатов Катон-Карагайского района ВКО, где в основном проживают потомки Каратая, и Шетского (Карагандинская область), на территории которого находится Тайаткан-Шунак. По результатам исследований, а этим важным делом особенно кропотливо занимаются карагандинские историки, вполне можно добиться включения мазара в список предварительного учета объектов историко-культурного наследия. В соответствии с законодательством, эта работа обеспечивается местными исполнительными органами. Следовательно, необходимо ввести в состав общественной комиссии представителя потомков Каратай батыра. А может делегировать эту миссию такому авторитетному энтузиасту, как Камел Жунустеги? Конечно, с его согласия.

Все объекты историко-культурного наследия, вошедшие в список предварительного учета, подлежат государственной охране - до принятия окончательного решения об их дальнейшем правовом статусе. Более того, в этом случае согласно закону «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» данный памятник истории могут включить в территориальный план экономического и социального развития с целью его восстановления, реставрации и обеспечения пропаганды. Все это на данном этапе осуществляется из местного бюджета.

Вполне достаточно, опять же на мой взгляд, чтобы на данном этапе за мазаром Каратай батыра присматривал смотритель комплекса Агыбай батыра Хамит Мусабеков. Аксакал живет там один, неотлучно, не оставляя Тайаткан-Шунак даже в лютые морозы, когда за ним в буквальном смысле охотятся волки, как было прошлой зимой. При этом добровольный отшельник отказывается от ружья, столь, казалось бы, нужного подарка, чтобы хотя бы отпугивать серых разбойников. Он охотно вызывается сопроводить путников к мазару Каратай батыра, знает округу как свою ладонь, и может увлекательно поведать историю этого загадочного края.

Мне могут возразить, как это случилось в результате случайной встречи в Астане с одним из земляков-каратаевцев сразу после моего возвращения из Тайаткана, что мазар не идентифицирован как место захоронения Каратай батыра. Более того, распространяется мнение, мол, данное строение не только возведено в конце XIX века, но и служит последним пристанищем батыра Мамыта. Хотя Камел Жунустеги дал аргументированный ответ на все эти досужие домыслы в статье «Жер тарихын билген жон» («Надо знать историю земли»), опубликованной 7 августа 2009 года в газете «Казак адебиеты», утверждения подобного рода требуют окончательного восстановления исторической справедливости. Например, начальник КГКП «Карагандинская областная инспекция по охране историко-культурного наследия» Тулкибай Тулеуов авторитетно заверил, что мазар, возвышающийся на Тайаткане, действительно построен в конце XVIII-го начале XIX веков. Таковы итоги исследований. Следовательно, можно со стопроцентной уверенностью утверждать, что он изначально строился не для упокоения Мамыта. По сведениям 74-летнего Камела Жунустеги, Мамыт был кумалакшы, иначе говоря, гадателем при Агыбай батыре, соратнике Кенесары. По достоверным письменным данным Агыбай батыр умер в 1885 году, а его кумалакшы скончался на десяток лет позже, то есть

в конце XIX столетия. Его могила находится на близлежащей сопке менее чем в километре от мемориала Агыбая.

Недавно услышал еще одну нелепицу. В чьем-то беспокойном уме возникла и активно пропагандируется «компромиссная» идея о том, что-де Мамыт погребен рядом с Каратай батыром. Действительно, надо не только знать историю своей земли (жер тарихын билген жон), но и не забывать и о традициях своего народа. Только больные на голову решатся нарушить покой человека, усопшего столетие назад. Да и кто позволил бы спустя век под куполом древнего мазара еще одну могилу. Не умаляя заслуг других, приходится констатировать, что общественный статус и историческая значимость Каратай Ата намного весомее.

Терзающимся сомнениями можно посоветовать внимательно ознакомиться с книгой писателя Акселеу Сейдимбекова «Казактын ауызша тарихы» («Устная история казахов»), в которой приводятся факты из жизни Каратай батыра. Важно подчеркнуть, что Акселеу Сейдимбеков родился в Шетском районе, то есть рядом с Тайатканом. Есть сведения о Каратай батыре и в произведениях Софы Сматаева, выросшего на станции Киик, расположенной всего в 50 километрах от мазара Каратай батыра. Будучи уроженцами этих мест, маститые литераторы были хорошо осведомлены о жизнедеятельности нашего пращура.

Так, Акселеу Сейдимбеков констатирует, что Каратай жил в период наиболее ожесточенных сражений с джунгарами, кочевья его рода проходили по территории нынешних Жана-Аркинского и Шетского районов Карагандинской области. Речка Каратал до сих пор известна среди местных жителей как Каратайдын Караталы (Каратал Каратая). По данным Акселеу Сейдимбекова, после гибели Каратая его род переместился на земли Жана-Семейского, Шарского, Жарминского, Кокпектинского районов Семипалатинского региона ВКО, затем в верховья реки Бухтармы, что в нынешнем Катон-Карагайском районе.

Что немаловажно, Акселеу Сейдимбеков не написал о Мамыте ни одной строчки, хотя маститый историк-этнограф в своих произведениях подробно рассказал о всех известных личностях этого удивительного края.

Есть и другие письменные источники, где говорится о Каратай батыре.

Известно, что аргын Айдабол стал бием, когда ему исполнилось всего 13 лет. В те времена роднились с равными себе и нередко сватами становились с момента рождения детей. Вот и Айдабол сосватал только что родившуюся дочь бия Каратая за своего малолетнего сына Кенжегозы. Однако Кенжегозы умер в подростковом возрасте и по законам аменгерства Айдабол женил на Кумисжан племянника Толыбая. От этого брака на свет появился Олжабай. Сведения об его происхождении и славных делах можно почерпнуть из трудов историков Ф. Щербины, Н. Коншина и Д. Примака. По их данным, Олжабай рано лишился отца, погибшего в боях с джунгарами, и воспитывался у деда по матери, то есть у Каратая, получив от него азы воинской науки. Каратай постарался дать внуку достойное образование. Олжабай окончил медресе в Туркестане, владел арабским, калмыкским и китайским языками, что впоследствии помогало ему во время переговоров с джунгарами, а затем и с китайцами, напавшими на казахские земли после истребления джунгаров. Более того, как отмечают вышеуказанные авторы, в своей первой битве Олжабай был знаменосцем Каратая.

Иначе говоря, Каратай не только возглавлял свой род и направлял на войну полностью экипированных ополченцев-сородичей, но и лично водил в бой отряды соплеменников. Хочу подчеркнуть, батыр – далеко не эдакий храбрец-удалец-одиночка, как принято сейчас считать, а прежде всего умелый организатор и талантливый командир-полководец. Поэтому далеко не случайным является тот факт, что Каратай батыр имел личное знамя, потеря которого означало позорное бесславие. Личного знамени не было даже у Акжолтай Агыбай батыра, он выступал знаменосцем хана Кенесары.

Согласно поэме «Олжабай батыр», внук Каратая участвовал в освобождении от джунгар Баян-аула, Туркестана и Ташкента, а впоследствии в боях с регулярными китайскими войсками. Ему довелось сражаться рядом с Кабанбаем, Богенбаем, Малайсары и другими казахскими военачальниками. Именно Олжабаю Абылайхан доверял свое боевое знамя в ходе решающих битв.

Академик-историк Алькей Маргулан и знаменитый артист, кинорежиссер Шакен Айманов являются потомками батыра Олжабая в пятом колене, а поэт Олжас Сулейменов – в седьмом.

После кончины бия Каратая, названного народом Каражалды Каратай батыром, минуло более 240 лет. Может, не следует тревожить его память всевозможными спорами и исследованиями? Нет! В первую очередь, это нужно государству, чтобы меньше было белых пятен в прошлом нашей страны. Во-вторых, это нужно потомкам, а их у Каратай Ата по самым скромным подсчетам свыше 50000, дабы мы не пребывали в роли иванов, не помнящих родства, а знали свою историю и, конечно, работали на благо Казахстана. Именно на это нацеливает нас жизнь пращура, достойная изложения в учебниках по истории страны, прекрасный образец для патриотического воспитания молодежи.

А главное, настала пора обеспечить не только тщательный учет, но и сохранность каждого подобного памятника старины в масштабах республики. Ведь мазары возводили не только сородичи, но и благодарные люди в знак признания особых заслуг великих соотечественников. По поводу сооружения над могилой Каратай батыра считаю необходимым вновь напомнить, что оно было возведено в соответствии с личным поручением хана Абылая, которого почитает весь казахский народ. К тому же, таких ритуальных строений в нашей стране осталось не так уж и много. Если в Карагандинской области их насчитывается около 800, в так называемых целинных областях они почти не сохранились, будучи варварски разрушенными и в буквальном смысле запаханymi в годы освоения целины.

И еще. Речь вовсе не о том, чтобы исследования жизнедеятельности того или иного соплеменника, если он действительно заслуживает внимания, служили какому-либо возвышению его рода. Еще раз нет! Деление по родо-племенному признаку лишь мешает продвижению Казахстана в ряды наиболее развитых стран мира, и, следовательно, к процветанию. Каждый казах должен гордиться подвигами всех батыров, не взирая на их родовую принадлежность, радоваться возрождению незаслуженно забытых имен и обязан воспитывать детей на примере всех великих пращуров. Ведь это наша общая история.

Такие мысли будоражили меня на обратном пути в Астану.

**Адилбек Кумаргажин,
Почетный журналист Казахстана**

*Астана – Тайаткан-Шунак – Астана,
июль 2012 г.*